

видно, приписано Каутилье, как древнему учителю, родоначальнику особой школы политики, для придания этому сочинению большей авторитетности. Задача исследователей должна состоять в том, чтобы путем всестороннего анализа выяснить, что относится к ядру и что — к позднейшим наслоениям.

В. И. Кальянов

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О ТИРАНИИ АРИСТОДЕМА КУМСКОГО

Историческая достоверность сообщения Дионисия Галикарнасского о кумском тиране Аристодеме давно возбуждала сомнение со стороны авторитетных исследователей. Однако в научной литературе еще не было обращено внимания на то, что рассказ Дионисия имеет характерные черты новеллы, составленной по определенному трафарету. Сюжетом подобной новеллы обычно является общественный переворот, при этом варьируются следующие повествовательные мотивы: а) обычный общественный порядок ниспровергнут, господа занимают место рабов, рабы — место господ; б) свободные женщины должны жить в браке с рабами, или варварами, или чужеземцами; в) но женщины чувствуют себя обесчещенными и ненавидят их; г) подрастающее поколение мстит чужеземцам, вступившим в брак с их матерями. Развитию сюжета часто сопутствуют мотивы: 1) переодевание мужчин в женскую одежду, а женщин в мужскую и 2) мотивы патриотизма, воинственности, общественной активности женщин и, наоборот, мягкости, пассивности, слабости мужчин.

Подобного типа новеллы мы встречаем не только в греческой литературе, но и в римской и у многих народов древнего Востока, например, у египтян, вавилонян, евреев. Почти все перечисленные мною здесь мотивы присутствуют и в рассказе Дионисия об Аристодеме (VII, 7—11).

Аристодем совершает общественный переворот: аристократы убиты, их имущество передано их рабам, сыновья убитых аристократов вынуждены жить в деревне, вести образ жизни рабов. Жены и дочери убитых аристократов становятся супругами своих бывших рабов. Сыновья убитых аристократов подрастают и мстят Аристодему, виновнику гибели их отцов и позора матерей. Юноши Кум вынуждены носить женскую одежду, «хламиды тонкие и мягкие». Последняя мера мотивируется в повествовании Дионисия тем, что тиран хотел упрочить свою власть, уничтожив мужество в сердцах подрастающего поколения.

Известен и другой вариант легенды об Аристодеме, сохранившийся у Плутарха (*Mulier virt.*, стр. 261 E). В этом варианте затушеваны черты социального переворота, но выдвинут мотив переодевания мужчин в женскую одежду, а также мотив патриотизма женщин. «Об Аристодеме рассказывают, — сообщает Плутарх, — что он заставлял мальчиков по-женски отращивать себе волосы и носить золотые украшения, а девушек стричься в кружок». Мужчины покорно подчинились этому приказу, но одна из кумских женщин вдохновила граждан на борьбу против тирана, а другая, храбрая Ксенокрита, рискуя жизнью, впустила заговорщиков в дом к Аристодему.

Насколько трафаретен сюжет легенды о кумском тиране, видно из того, что не трудно указать ряд новелл, содержащих те же самые повествовательные мотивы. Составим его, например, с преданием о социальном перевороте в Аргосе, о котором рассказывает Геродот (IV, 2—3): обычный общественный уклад в Аргосе ниспровергнут, власть в городе перешла к рабам. Сыновья свободных граждан подрастают и изгоняют рабов. В параллельной версии предания у Павсания (II, 20) и Плутарха (*Mulier virt.*, стр. 245 E) мы находим и другие мотивы, характерные для данного трафарета: рассказ о сожительстве свободных женщин с рабами и рассказ о патриотизме и воинствен-

ности женщин (о храброй поэтессе Телесилле и ее воинском подвиге). У Плутарха предание о Телесилле поставлено в прямую связь со старинным обрядом переодевания женщин в мужскую одежду и мужчин в женскую. Таким образом, в рассказе об аргосском перевороте еще явственнее просвечивает обрядовая основа мифологического сюжета.

И все же, если в сообщении Дионисия Галикарпасского об Аристодеме и имеются черты повеллестического сюжета, у нас нет достаточных оснований сомневаться в историческом существовании самого Аристодема. Он был современником Тарквиния Гордого. По сообщению Ливия (II, 24), последний римский царь ушел к тирану Аристодему и умер в Кумах. Следовательно, правление Аристодема датируется концом VI или началом V века.

Но давно уже было отмечено, что у Дионисия Аристодему приданы черты, превращающие его в типичного тирана позднего времени. Самый язык автора в той части повествования, которая относится к Аристодему, пересыпан оборотами и терминами, характерными для политической борьбы поздней Греции. Так, в народном собрании он провозглашает передел земли и сложение долгов, к радости «самой подлой черни», которая получает возможности «грабить чужое добро». Эта мера является, по убеждению автора, «той прелюдией, с которой имеет обыкновение начинать каждая тирания». Тенденциозность историка очевидна, причем цитируемая нами фраза звучит очень странно в применении к ранней тирании: мы не можем назвать ни одного тирана VI—V веков, который провозгласил бы лозунги «передела земли и сложения долгов» с целью завоевания популярности. Проведенная Солоном сисахфия ни в какой степени не напоминает переворота в пользу, как выразился Дионисий, «самой подлой черни». Но уже в четвертом веке движение под этими лозунгами приняло настолько массовый характер, что Коринфский конгресс 337 г. вынес специальное решение, направленное против него¹.

Также необычна для периода ранней тирании обстановка, при которой Аристодему были вручены полномочия стратега-автократора. Как известно, стратег-автократор — военная должность, и занимали ее обыкновенно во время войны (примером может служить вручение подобных полномочий сиракузским тиранам — Дионисию I и Гелону или афинскому полководцу Алкивиаду). Но сиракузский тиран Агафокл становится стратегом-автократором в 317/16 г. при совершенно аналогичных обстоятельствах, и это совпадение, конечно, далеко не случайно.

Наконец, еще одна черточка сближает Аристодема с политическими деятелями позднего времени: по словам Дионисия Галикарпасского, Аристодем, получив власть, велел убрать из святилищ и общественных мест изображения убитых им людей и поставить на те же места свое собственное изображение. Указание на подобного рода факт могло быть включено в новеллу об Аристодеме не ранее четвертого века, так как в начале V в. индивидуального портрета в Греции еще не существовало. Кроме того, установление изображений тирана в святилищах не может быть объяснено иначе, как введением культа правителя, что характерно лишь для более позднего времени. Это является еще одним, и притом бесспорным, доказательством того, что предание об Аристодеме было переработано и что образ полубогородного тирана отдаленного прошлого приобрел в дальнейшем типичные черты политического вождя IV века.

Можно сказать даже больше: рассказ об Аристодеме у Дионисия во многом совпадает с рассказом Диодора о тиране конца четвертого века Агафокле Сиракузском.

Сопоставим повествования Диодора и Дионисия. Оба политических деятеля, и Агафокл, и Аристодем, в молодости отличились в битвах и оба по вине правящей группы были лишены заслуженной ими воинской награды: Аристодем — по вине кум-

¹ Ср. клятву гелиастов: οὐδέ τῶν χρεῶν τῶν ἰδίων ἀποκοπᾶς, οὐδέ γῆς ἀναδασμὸν τῆς Ἀθηναίων, οὐδέ οἰκιῶν (ψηφισμοῖσι) (Demosth., XXIV, 149) и клятву критян: οὐ [δέ γὰρ] ἀναδασμὸν οὐδέ οἰκιᾶν, οὐδέ οἰκοπέδων, οὐδέ χρεῶν ἀ[ποκοπ]ᾶν ποιησέω. Ср. также Plato, Leg., 684 E.

ской знати и аристократического совета, Агафокл — по вине Сосистрата, главы спраккузских олигархов (Dionys. Halic., VII, 4; Diod., XIX, 3). Аристодем после похода против тирренцев, на обратном пути, перед высадкой в Кумах, созывает сходку воинов и выступает с речью, в которой обвиняет аристократов и, напоминая о своих благодеяниях по отношению к родине, просит солдат оказать ему помощь, если ему будет угрожать опасность со стороны «олигархов». Агафокл также выступает перед своими воинами с речью, обвиняет олигархов в произведенном на него покушении и «оплакивает свою судьбу» (Dionys. Halic., VII, 6; Diod., XIX, 6, 4). Оба созывают совещание олигархов под предлогом обсуждения государственных дел, в обоих случаях сейчас же после этого начинается кровавая расправа с олигархами при участии воинов (Dionys. Halic., VII, 7; Diod., XIX, 6, 5).

Оба, захватив насильственным путем власть, созывают народное собрание, выступают с речами, возлагая вину на убитых олигархов, и провозглашают свободный демократический строй. Оба стремятся упрочить свою популярность обещанием сложения долгов и земельных раздач, обоих народ выбирает на должность стратега-автократора, для обоих эта должность является лишь средством для полного захвата власти и уничтожения демократического строя (Dionys. Halic., VII, 7—8; Diod., XIX, 9, 1).

Следует отметить, что совпадение сюжетных мотивов в повествовании Диодора об Агафокле и Дионисия об Аристодеме касается лишь той части рассказа, где речь идет у Диодора о молодом Агафокле (путь к власти), а у Дионисия об Аристодеметеране (т. е. тоже путь к власти). Подобный параллелизм можно было бы объяснить поразительным совпадением событий, но это уже потому невероятно, что, по крайней мере относительно Аристодема, мы имеем не документ, представляющий историческое свидетельство, а позднюю литературную переработку предания. Предположение, что оба автора следуют одному и тому же литературному шаблону, также не дает объяснения параллелизма обоих сюжетов, поскольку не выяснен вопрос об источниках Дионисия и Диодора для данной части текстов.

Относительно Диодора вопрос этот в значительной степени уже разрешен: в истории Агафокла Диодор, по всей видимости, пользовался двумя источниками, один из которых был настроен положительно по отношению к Агафоклу¹. Изложение этого источника Диодор перебивает вставками из сочинения другого автора, настроенного по отношению к Агафоклу враждебно. Этим автором был современник и враг Агафокла Тимей. Тимею принадлежат те черточки в характеристике деятельности и личности Агафокла, благодаря которым складывается обобщенный, резко отрицательный образ тирана.

Вопрос о том, какими же источниками пользовался Дионисий Галикарнасский в изложении истории Аристодема, неясен и требует специального исследования.

В тексте Дионисия об Аристодеме можно выделить самостоятельный законченный новеллистический сюжет, со своей особой литературной историей, которую, мне кажется, мы имеем возможность проследить. Этот сюжет относится к Аристодему-тирану и не включает деятельности Аристодема-полководца, Аристодема — друга Тарквиния, словом, тех сторон деятельности Аристодема, которые связывают его с Римом и с италиками.

В изложении истории Аристодема, взятой в целом, Дионисий пользовался по меньшей мере двумя источниками, причем один из них был настроен по отношению к тирану Кум благожелательно, второй — враждебно. Такое заключение вытекает из указания самого автора «Римских древностей» о существовании двух, противоречащих друг другу оценок личности легендарного вождя кумского демоса в предшествовавшей историографии. Одни историки, по его словам, объясняли странное прозвище тирана «Малакос» тем, что он якобы обладал «мягким характером и был умерен в гневе», другие же толковали это прозвище в позорном для Аристодема смысле (Dionys.

¹ Laqueur, RE, s. v. Timaios, 1163 слл.

Halic., VII, 2). Подводя итог деятельности Аристодема-тирана, Дионисий дает ему следующую характеристику: «И во многом другом поступив по отношению к куманцам нагло и оскорбительно и не воздержавшись ни от какой необузданной жестокости,— когда он решил, что его власть прочна, понес он, уже стариком, немалое наказание от богов и людей, будучи уничтожен со всем своим родом» (Dionys. Halic., VII, 9). Подобная характеристика могла быть заимствована автором только из враждебного Аристодему источника. Таким же темными красками рисует Дионисий всю деятельность Аристодема-тирана. В то же время Аристодем показан им как умный и храбрый воин и популярный народный вождь, несправедливо преследуемый знатью. Только в двух случаях в тексте, содержащем описание деятельности Аристодема до захвата им власти, встречаются слова, намекающие на будущую роль Аристодема как вождя «испорченной черни»: в § 6 гл. VII указывается, что Аристодем после победоносного похода против тирренцев собирает в своей палатке «самых испорченных» из своих воинов и, «развратив» их «подарками и лживыми надеждами», внушает им желание ниспровергнуть существующий в Кумах политический строй, и в § 4 гл. VII говорится, что Аристодем стал «ужасным и ненавистным знати». После описания совершенного заговорщиками государственного переворота Дионисий последовательно дает изображение только «ужасного и ненавистного тирана». Отныне его дела — сплошная цепь преступлений, приведшая его к справедливому возмездию со стороны «богов и людей». В данной части текста нет внутренних противоречий. Несомненно, он восходит к одному источнику, враждебному Аристодему.

Краткое сообщение о деятельности Аристодема мы встречаем также у Диодора (кн. VII, фрагмент 10): «Появился тиран в городе Кумах, по имени Малакос, который, будучи популярным у народа и постоянно донося на могущественных, захватил власть и наиболее богатых из граждан убил, имущество же их захватив, содержал наемников и был ужасен куманцам».

Бросается в глаза сходство между этим сообщением Диодора и повествованием Дионисия об Аристодеме. Между ними не только сюжетная близость, но в некоторых случаях и дословное совпадение: у Дионисия Аристодем «был ненавистен и ужасен руководителям знати», у Диодора та же мысль выражена в сходном обороте, но более сжато: «И ужасен был куманцам». В повествовании Дионисия для завоевания популярности у народа Аристодем прибегает к демагогическим речам и к раздаче денег бедноте из собственных средств. У Диодора о том же сказано коротко: «...И пользовался доброй славой у народа». В повествовании Дионисия Аристодем, привлекая на свою сторону народ («τὸ πλῆθος»), одновременно разоблачал «могущественных», присваивающих себе государственные средства. Близкий оборот употребляет и Диодор: «...постоянно доносил на наиболее могущественных»¹. В обоих текстах переворот сопровождается убийством влиятельных кумских граждан. «Наиболее богатые» граждане Диодора соответствуют «лучшим» гражданам в тексте Дионисия. В обоих случаях употребляется выразительный глагол «закалывать». После убийства граждан Аристодем забирает себе их имущество. Об этом в обоих текстах сообщается опять-таки в совершенно сходных выражениях, совпадающих синтаксически и лексически (Dionys. Halic., VII, 8; Diod., ук. фрагм.). В повествовании Дионисия Аристодем описывается на три отряда, причем первый состоял из «негоднейших граждан», второй — «из самых нечестных рабов», третий был отрядом наемников, «из самых диких варваров». У Диодора о том же коротко: «Содержал наемников».

Итак, оба текста и по содержанию, и по лексике настолько близки друг другу, что это не может быть объяснено случайностью. Очевидно, оба текста восходят к общему источнику, которым был, по всей вероятности, Тимей. Диодор сильно сократил свой источник, Дионисий его переработал. В основе предания могла лежать и местная куманская хроника, в которой запечатлелось сказание о древнем популярном вожде

¹ Слово διαβάλλω у Диодора в данном контексте следует понимать в смысле «доносить».

куманской бедноты. Наличие двух вариантов сказания свидетельствует о том, что в фольклоре его имя (а может быть, прозвище) было связано с трафаретными мотивами «перевернутых» общественных отношений. У Плутарха они послужили основой для занимательного анекдота. В тексте Дионисия они приобрели политическую мотивировку, и новелла об Аристодеме по форме и содержанию приблизилась к памфлету, острем своим направленному против демократического движения, причем и обстановке, и народному вождю приданы были характерные черты политической борьбы, типичные для условий четвертого века. Эту своеобразную «модернизацию» новеллы можно отнести именно за счет Тимея. Вполне в духе сицилийского историка типизировать: он легко мог наделять героя кумской легенды теми качествами, какие были присущи его собственным современникам и были ему особенно ненавистны.

Если правильно наше предположение, что источником Дионисия, враждебным Аристодему, действительно был Тимей, то получает объяснение ряд сюжетных совпадений в истории молодого Агафокла у Диодора и Аристодема-тирана у Дионисия. Надо подчеркнуть, что в обоих рассказах совпадают те мотивы, которые восходят у Диодора к Тимею, а у Дионисия к враждебному Аристодему источнику, т. е. опять-таки, вероятно, к Тимею.

Моральный приговор, который выносит Дионисий — Тимей легендарному «стратегу-автократору» древних Кум, «ужасному» (φόβερός) тирану, получившему в конце концов «возмездие от богов и людей» за свои злодеяния, должен был звучать как приговор другому стратегу-автократору, сицилийскому тирану Агафоклу.

Из всего сказанного следует, что в тексте Дионисия Галикарнасского об Аристодеме сохранилось очень мало следов от подлинной исторической традиции. Достоверным остается только факт существования в древних Кумах враждебного знати и популярного у народа тирана со странным прозвищем «Малакос» (Нежный). Все детали повествования надо признать результатом поздней литературной переработки предания. Любопытно, что и рассказ о падении Аристодема имеет характерные черты новеллы и что его детали поразительно близко напоминают историю низвержения фиванских олигархов в 379 г., которая уже у современников стала достоянием фольклора. Но если новелла о тиране Аристодеме у Дионисия может лишь в незначительной степени послужить источником для истории древних Кум, то она, несомненно, представляет интерес в другом отношении — как памятник политической литературы четвертого века до н. э.

Е. А. Миллиор

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ АМАРНСКОГО ИСКУССТВА

В изучении истории древнеегипетского искусства «амарнское» искусство занимает особое место. Историческая обстановка этого периода и памятники искусства, созданные в это время и выделяющиеся особым стилем из всего иного, дошедшего до нас материала, вызывают усиленное внимание исследователей.

Однако буржуазные ученые вследствие неправильного методологического подхода к изучению данного вопроса не смогли понять ни общественно-исторических причин, обусловивших возникновение самой реформы Аменхотепа IV, ни сущности его религиозного учения, ни характерных особенностей искусства этого времени. Игнорирование всей совокупности конкретных исторических фактов, произвольное толкование отдельных, произвольно же выхваченных из общей неразрывной цепи событий, неумение правильно связать явления идеологического порядка с закономерно породившими их социально экономическими причинами, наконец, чисто внешний анализ памятников искусства, воспринимаемых в отрыве от создавших их общественных